

Л
КО
М
БЫ

ЕТО
ГДА
НЕ
ЛО
15

Ева Василькова

Ева Василькова

Лето, когда мне было пятнадцать

«Автор»

2026

Василькова Е.

Лето, когда мне было пятнадцать / Е. Василькова — «Автор»,
2026

Юле тридцать пять, и её жизнь - сплошное разочарование. Несложившиеся отношения, пустая квартира, пицца на ужин и чувство, что всё лучшее уже позади. Она боится, что никто даже не заметит, если она исчезнет. Ей кажется, что счастье осталось в прошлом. В том лете, когда ей было пятнадцать, а рядом была её первая любовь. Однажды Юля подбирает бездомного котёнка, и это меняет всё. Случайно загаданное желание возвращает её в 2005 год, но с подвохом – она оказывается в теле своего бывшего парня, скейтбордиста по прозвищу Симба. Теперь Юле предстоит найти способ вернуться обратно. Она заново знакомится с друзьями юности, катается на скейте, слушает старые диски и постепенно понимает: возможно, она мечтала совсем не о том. Останется ли её мир прежним, если посмотреть на него чужими глазами? Кто такой этот белый котёнок, исполняющий желания? И почему Юле кажется, что они связаны чем-то большим, чем случайная встреча?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ева Василькова

Лето, когда мне было пятнадцать

Глава 1

Вода была ледяная. Я набрала немного в ладони и намочила лицо, но взбодриться это не помогло. Лучше мне не становилось. Пришлось оторвать несколько бумажных полотенец из автомата, чтобы вытереться насухо.

Я старалась не смотреть на своё отражение, но огромное зеркало в маленьком помещении трудно было игнорировать. Туалет ресторана больше походил на модный спа-салон: стены с узкой глянцевой плиткой глубокого зелёного цвета, бамбуковая мебель, раковина в форме натурального камня, ароматы косметики вместо того, чем здесь на самом деле должно пахнуть, плетёная корзина с маленькими махровыми полотенцами. И контурная подсветка, из-за которой тёмные круги у меня под глазами выглядели особенно мрачно.

Я стянула резинку, расчесала волосы пальцами, а потом снова завязала тугой хвост, который по идее должен был скрыть от посторонних глаз то, что голову я не мыла уже три дня.

Ручка двери дёрнулась в очередной раз, напоминая, что я слишком долго тут торчу.

— Минуточку, — крикнула я, давая понять, что всё в порядке и меня не надо доставать из туалета силой.

Табличка на стене гласила: руководство ресторана изо всех сил старается, чтобы их драгоценным гостям было комфортно. Вот только вместо того, чтобы раскладывать полотенца и крем, руководству ресторана стоило бы сделать побольше кабинок для уединения.

Я вышла, виновато улыбнулась небольшой очереди желающих посетить дамскую комнату и направилась к нашему столику.

В ресторане, кажется, не было ни одного свободного места. Зал был наполнен оживлёнными разговорами и смехом, а живая музыка больше раздражала, чем развлекала — джазовую певицу с несколькими исполнителями перекричать было непросто, хоть мы и сидели не слишком близко к ним.

Когда я подошла, Катька размахивала над головой пустой бутылкой шампанского, пытаясь привлечь внимание официанта.

— Повторите, — крикнула она, когда он всё же её заметил.

Я подняла с пола Катькину кофточку с перьями на рукавах, которая уже не первый раз за вечер валялась у неё под ногами, и села в своё кресло. Тут же нарисовался официант с новой бутылкой — строгий юноша с прямой спиной в рубашке цвета туалетной плитки.

— А мы тут вообще-то празднуем, — игриво сообщила ему Катька.

Язык у подружки изрядно заплетался от выпитого шампанского. Парень только кивнул и растянул губы в улыбке, скорее сочувственной, чем одобрительной.

— Угадайте, что мы празднуем.

Катька практически развалилась на столе, поддерживая голову рукой.

— Не знаю, — ответил официант, — но примите мои поздравления.

Он разлил по бокалам шипучее шампанское и принялся собирать оливки, которые Катька рассыпала по столу, пока меня не было.

— Ну давайте, угадайте, — не унималась подруга.

— Повышение? — предположил парень.

— Нет, ещё попытка.

— Купили квартиру?

— Нет. Дальше, — рассмеялась Катька.

— Развод, — подсказала официанту я.

Он благодарно кивнул мне в ответ и удалился.

— Ну ты чего? — возмутилась подруга. — Я хотела, чтобы он сам угадал.

— Да куда ему, — отмахнулась я. — А тебе правда совсем не жалко разводиться?

— Мне? Жалко? — хрюкнула Катька. — Юль, сколько раз я тебе говорила: мужик — это набор полезных функций. Ты же не будешь ездить на Жигулях, только потому что они представляют для тебя какую-то сентиментальную ценность.

Она вещала так громко, что три совсем юные девушки, сидящие за соседним столиком, во время последней реплики одновременно обернулись на нас, а потом попытались быстро спрятать глаза. Я даже не разозлилась. Со стороны наш праздник вряд ли выглядел весело. Заметь я такую парочку женщин за тридцать, точно не захотела бы к ним присоединиться.

Если говорить начистоту, я и сегодня никуда не собиралась. Когда подруга неожиданно приехала за мной на такси, я нацепила первое, что подвернулось под руку, и теперь, рядом с отглаженными белыми скатертями, было отчётливо видно, что моя футболка настолько застиранная, что место ей только на помойке, а уж никак не в дорогом ресторане.

Зато Катька выглядела как дворянская эмигрантка, которая решила вывести из страны всё самое ценное на себе. Она была одета в серебристое платье с бахромой, которое мы, кажется, покупали для тематической вечеринки в стиле Гэтсби. На шее болтались и регулярно попадали в тарелку длинные бусы, на руках звенели браслеты. Кольца были хоть и не на всех пальцах, зато кое-где по два — видимо, подвели размеры. Из общей картины выбивались только какие-то некстати скромные серьги в форме капелек, видневшиеся из-под коротких чёрных как смоль волос.

— Откуда у тебя эти серёжки? — не удержалась я.

— Эти? — она стянула украшения и кинула на стол, сморщившись. — Артём подарил. Я, наверное, была уже немного пьяненькая, когда одевалась, — громко прошептала она и подмигнула мне, типа «только это между нами, девочками».

— Да я заметила.

Иначе чёрта с два ей удалось бы вытащить меня из дома. Отпускать подругу одну в таком состоянии было попросту страшно.

— Угораздило же меня с ним связаться. Нет, Юльчик, ты не представляешь, какое это счастье — быть свободной.

— Угу, — выдавила я сквозь ком в горле.

Губы, изображающие улыбку, дрожали, но вряд ли Катька сейчас смогла бы это заметить — она разливала шампанское, стараясь попадать в узкие длинные бокалы.

— Кстати, это ты виновата, — заявила она, протягивая мне опасно накренившийся напиток.

— В чём?

Я подхватила бокал за ножку, и Катька тут же потянулась со мной чокаться. Услышав звон, она довольно кивнула, отпила и только после этого ответила:

— В том, что я с ним гулять начала. Помнишь, летом после девятого?

— Серьёзно? — удивилась я. — Мы же не будем сейчас вспоминать то, что было двадцать лет назад?

— Ещё как будем! «Симба такой крутой, я так хочу с ним познакомиться. Катя, придумай что-нибудь! Я сама боюсь, а ты такая смелая, давай ты к кому-нибудь из его друзей подойдёшь», — изобразила она меня писклявым голоском. — И вот мы здесь.

— И ты сама выбрала Артёма, — заметила я. — А Симба был и правда чертовски хорош... Что с ним, кстати, сейчас? Не знаешь?

— Знаю только, что он в Москву уехал. После этого они с Артёмом перестали общаться. А ты уже настолько отчаялась, что Симбу вспомнила?

Обижаться на Катьку в таком состоянии было глупо, но мне всё равно стало досадно.

— Это ты его вспомнила вообще-то, — нахмурилась я. — Ладно, допустим, в пятнадцать ты начала гулять с Артёмом из-за меня.

— Вот-вот, — подтвердила Катька, — так и делай людям добро. Потом проблем не оберёшься.

— Ну а в тридцать-то ты зачем замуж за него вышла? Тут уж я точно ни при чём.

— Да блин, думала, мне уже ничего не светит, — сразу скисла подруга. — И тут Тёма. А после первого мужа я поняла: пусть лучше с человеком будет надёжно и удобно, любовь-то ничем хорошим не заканчивается. Кто же знал, что скоро меня начнёт тошнить даже от того, как он дышит.

Катька впервые говорила об этом откровенно. Я помнила, как больно было подруге, когда первый муж бросил её, но почему-то никогда не подозревала, что Артём стал тогда для неё утешением. Он же по большому счёту ничего плохого и не сделал, кроме того, что бесил Катьку одним своим существованием.

— Тяжело тебе дался этот развод, да?

— И не говори, — кивнула Катька. — Жаль, нельзя отмотать всё назад. Этот придурок меня заставил три месяца по мозгоправам с ним ходить. Я и так пять лет жизни на него впустую потратила, а ему всё мало. Уже не знала, как объяснять Илюше, почему я так долго развестись не могу. Думала, он сбежит, пока я там с Артёмом разбираюсь.

— Недолго ты собираешься наслаждаться своей свободой, — заметила я.

— Это совсем другое, — отмахнулась она. С каждой фразой её речь становилась всё более невнятной. — Илюша бизнесмен. Илюша, знаешь, какой? Вот, не знаешь! Третья попытка будет счастливой, я чувствую.

Дело шло к ночи, шампанское стремительно заканчивалось, зал пустел, певица и музыканты собирали своё оборудование, а вместе с этим рассеивалось и истерическое веселье подруги, и вскоре мне удалось уговорить её вызвать такси.

После прохладного зала ресторана, где работал кондиционер, на улице показалось тепло и душно. На парковке пахло свежеположенным асфальтом и строительной пылью. Где-то рядом послышался шум проходящего мимо поезда. Здесь, в квартале новостроек, единственное, что напоминало о существовании природы, — тополиный пух, сбившийся белыми кучками у бордюров и в углах подъездов.

Катька уже еле стояла на ногах, да и меня мутило. Не столько от выпитого — я умудрилась растянуть пару бокалов на весь вечер — сколько от усталости. Такси почему-то не ехало, хотя приложение упорно показывало, что оно уже на месте.

Краем глаза я уловила какое-то движение сбоку, но, когда повернулась, поняла, что это всего лишь очередной комок тополиного пуха, который пошевелил ветер. На секунду мне показалось, что среди пуха мелькнула пара крохотных глаз.

— Вон наша машина, — пихнула меня Катька.

Я обернулась. По забитой парковке действительно медленно продвигался брендовый автомобиль такси.

Водитель, пожилой мужчина интеллигентного вида, вышел, чтобы открыть для нас дверь. С его помощью я усадила подругу на заднее сиденье, а сама устроилась рядом. Катька, получившая нового слушателя, взбодрилась и всю дорогу хвасталась таксисту своим долгожданным разводом.

Мы высадились у её дома. Серая кирпичная пятиэтажка на перекрёстке Серебристого бульвара и аллеи Красных зорь смотрела на нас тёмными глазницами окон.

Катька с трудом преодолела три ступеньки крыльца и привалилась к перилам рядом с доской объявлений. Сколько я себя помнила, ни одно объявление не держалось здесь больше

суток, так что стена представляла собой многослойный коллаж из обрывков бумажек — белых с редкими цветными вкраплениями.

Подруга жила всё в той же квартире, в которой и выросла, и мне невольно вспомнилось, сколько ночных разговоров о важном было у нас на этом месте. Я по привычке оторвала кусок бумажки от стены и скатала пальцами.

— Ты купила билет? — спросила я.

— Какой билет? — подруга уже засыпала на ходу и плохо соображала.

— В Москву. Когда ты уезжаешь к Илюше?

— А-а-а, да, купила. В четверг у меня самолёт. Ты же придёшь меня проводить? — Катька полезла обниматься, повисла у меня на шее и чуть не уронила нас вниз по лестенке. — Нет, подожди, — бормотала она, пока я пыталась вернуть нас в вертикальное положение, — ты же по четвергам занята. А знаешь, что? Вообще-то подруги важнее мужиков. Так что скажи этому своему, что обойдётся.

— Ладно, — согласилась я.

Катька не знала, что четверги у меня теперь свободны. Но сейчас я была не готова об этом рассказывать, а она не была готова слушать.

— Вот и молодец, — она обхватила моё лицо ладонями и поцеловала в щёку.

— Спокойной ночи, — сказала я и подтолкнула подругу в сторону двери.

Она кивнула и пошла домой, напоследок махнув мне рукой. Перья на рукаве эффектно взлетели вверх.

На всякий случай я дождалась, пока в окнах Катькиной квартиры зажжется свет — значит, она не уснула на лестнице. Уже можно было идти, но мне хотелось постоять ещё пару минут. Я прислонилась к перилам, разглядывая ту самую доску объявлений.

В детстве, до того, как мы узнали, что листовки срывает соседка с первого этажа, мы с Катькой решили, что в этом узоре скрывается то ли тайное послание, то ли предсказание будущего. На некоторых обрывках оставались видны отдельные буквы, так что мы провели много времени, пытаясь расшифровать этот ребус. Вот и сейчас я отчаянно надеялась увидеть в нём своё будущее. Что-то же должно было там быть? Должно же...

Гадальная доска не спешила открывать свои тайны, но и мне торопиться было некуда, никто не ждал меня дома. На самом деле, меня не ждал никто и нигде. Разве что начальница, которой я присылала отчёты каждую неделю, а саму её ни разу в жизни не видела в лицо. Именно для этого я и нашла удалённую работу — чтобы ни с кем не общаться.

Катька была единственной подругой, с которой я до сих пор поддерживала связь. И куда делись все остальные? В школе у меня было много друзей, и в универе тоже. А что потом? Кто-то уехал, с кем-то разошлись интересы, а в какой-то момент у меня совершенно не осталось сил на других людей — слушать их жалобы, натягивать милую улыбку, выдерживать осуждающие взгляды.

Когда два года назад умерла мама, мне показалось, что я осталась совсем одна. А теперь и Катька уедет. Будет писать раз в полгода и поздравлять с днём рождения, если не забудет, конечно. Если я исчезну, ни для кого не изменится ровным счётом ничего. Никто даже не заметит, если со мной что-нибудь случится.

Я так внимательно вглядывалась в бумажный узор, что не успела среагировать, когда резко распахнулась дверь подъезда. Вылетевший оттуда человек чуть не сбил меня с ног. Он ощутимо толкнул меня плечом, но даже не притормозил, словно у него на пути ничего не было.

— Какого чёрта? — вырвалось у меня.

Я сразу пожалела о том, что открыла рот, — мужчина, успевший спуститься на подъездную дорожку, застыл в напряжённой позе и медленно сжал кулаки.

«Ну вот и всё, — подумала я. — Неужели это случится так глупо? Меня же и правда никто не хватится».

Я даже не взяла с собой сумку, в которой вот уже несколько лет валялся без дела баллончик. В карманах джинс был только телефон и связка ключей. Пальцы не слушались, но я всё же вцепилась в ключи, вытащила их наружу и направила на противника. Вряд ли они смогли бы меня защитить, мужчина был значительно выше и, естественно, сильнее, но инстинкты требовали сделать хоть что-то.

Он развернулся в мою сторону, и тусклый фонарь на козырьке подъезда осветил его лицо. Осунувшееся, с отросшей щетиной, тёмными кругами под глазами и потухшим взглядом. Я вздрогнула. Ключи звякнули о бетон рядом с моими ногами.

— Артём?

За то время, когда они с Катькой были женаты, я видела Артёма всего несколько раз, и то мельком. Мы всегда предпочитали встречаться без парней.

Артём то ли не услышал, то ли ничего не понял, но продолжал смотреть на меня, как на пустое место, а потом двинулся в мою сторону. Когда он поднялся по ступенькам и оказался совсем рядом, я коротко и резко вдохнула и отшатнулась назад. Он наклонился, поднял ключи и протянул мне.

— Спасибо, — прошептала я почти беззвучно.

Артём ничего не ответил, только развернулся и пошёл дальше в темноту двора. А я застыла с колотящимся сердцем и смотрела ему вслед.

Перед глазами стояло то лето две тысячи пятого, когда я без памяти влюбилась в Симбу, а Катька начала встречаться с Артёмом, чтобы мне помочь. Как он превратился из шестнадцатилетнего смешного пацана в это? В человека, с которым страшно столкнуться на улице посреди ночи. Ответа у меня не было, зато сам собой напрашивался другой вопрос — как мы все трое превратились в то, во что превратились?

Что-то шевельнулось у моих ног, и я снова вздрогнула. Успела заметить только, как маленький белый зверёк прошмыгнул мимо и скрылся в щели под лестницей. Наверное, обычная крыса. Только почему белая? Разве бывают подвальные крысы белыми? Я встряхнула голову: докатилась — шарахаюсь от любой ерунды.

Мне понадобилось немного времени, чтобы успокоиться и двинуться с места. Я вышла на аллею и направилась в сторону своего дома. Если бы доска объявлений хоть раз удосужилась рассказать, какая жизнь нас действительно ждёт, наверное, я бы решила, что взрослеть не имеет смысла.

«Третий раз будет счастливым», — сказала Катька. У неё было уже два неудачных брака, но она всё ещё не теряла надежду найти того, с кем будет счастлива. А вот у меня с замужеством так ни разу и не сложилось.

Снова вспомнился Симба. Он был моей первой любовью. На год старше, с чудесной мягкой улыбкой и добрыми глазами, с бронзовым загаром. Он освещал кончики волос, на шее носил нитку с цветными деревянными бусинами и со всем этим больше походил на сёрфера из американского фильма, чем на обычного пацана из маленького северного российского городка. А как круто он катался на скейте... Неудивительно, что я потеряла голову.

Я остановилась на светофоре, дожидаясь зелёного света, хоть на перекрёстке и было совершенно пусто. Меня невыносимо мучило. От этого вечера в ресторане, от неожиданного столкновения с Артёмом, от того, что я практически не спала последние три дня, от душной безветренной ночи.

В тишине казалось, что мысли звучат слишком громко. Была ли я когда-нибудь так же счастлива, как в то лето, когда мы с Симбой встречались? И буду ли ещё? Смогу ли найти своего человека? Или я обречена на вечное одиночество? Тогда зачем всё это?

Светофор переключил сигнал, и я двинулась дальше. До дома оставалось всего ничего. Я шла и размышляла, был ли в моей жизни хоть один нормальный роман, кроме Симбы.

В выпускном классе я встречалась с парнем, который бросил меня по смс, а потом делал вид, что мы не знакомы, хотя мы учились вместе со средней школы. Тот, с которым я была в универе, оказался параноиком, читающим мои переписки и требующим отчёты за любое опоздание. Следующего вообще вспоминать противно: все говорили, что надо держаться от него подальше, но я поняла это только после того, как он меня ударил. Ещё была пара импульсивных связей на одну ночь, после одной из которых даже пришлось делать аборт. Какое-то беспроекторное болото.

Ну а последний...

С Мишей мы были вместе почти четыре года. По крайней мере, это я так считала. Поначалу я надеялась, что со временем наши отношения будут развиваться, однажды мы съедемся и, может, даже заведём семью.

Но Миша был не такой — ему нужно было личное пространство. Я и сама видела в этом плюсы. Мы оба были взрослыми людьми, оба давно жили одни, и нам обоим не хотелось менять свои привычки ради другого человека. Я предпочитала работать по ночам и спать до обеда, а Миша любил вставать ни свет ни заря и терпеть не мог шум. Я любила смотреть дорамы, чтобы расслабиться, а он признавал только концептуальное кино.

В общем, существовать на одной территории нам было бы сложно. И со временем у нас появилось расписание — два совместных дня в неделю: понедельник и четверг. В остальные дни мы друг друга не дёргали, каждый проводил их так, как считал нужным.

Люди смотрели на меня косо, когда я упоминала об этом, но какое мне было дело до того, что думают другие, если нас это устраивало.

Казалось, всё было нормально, но три дня назад, в субботний вечер, Миша мне позвонил. Я сразу поняла, что что-то не так. Он извинился и сказал, что до понедельника ждать не может.

Так я узнала, что он больше не придёт, потому что сделал предложение своей девушке, и теперь ему нужно привести дела в порядок и избавиться от всякого. «От всякого» — он так и сказал, имея в виду меня. Как будто я была просто вредной привычкой, которую нужно бросить.

Меня опять затошнило, пришлось остановиться и сделать пару глубоких вдохов, прежде чем идти дальше.

Глава 2

Мой дом уже виднелся за кронами деревьев. Он поприветствовал меня вентфасадом из чередующихся в шахматном порядке оранжевых и салатových прямоугольников. Десять лет назад застройщики дружно решили, что стены кислотных цветов должны поднимать жителям настроение, и будто соревновались, у кого получится ярче и веселее. Это не помогло, мне так уж точно.

У подъезда тускло мерцал свет. Я вошла внутрь, нажала на кнопку лифта и зажмурилась в надежде, что он подаст какие-нибудь признаки жизни. Здесь тоже не повезло. Я вздохнула и направилась к лестнице. Дом был относительно новый, но лифт ломался настолько регулярно, что многие вообще перестали им пользоваться, опасаясь застрять.

Я медленно поплелась вверх, погружённая в тяжёлые мысли, а когда уже почти добралась до своего восьмого этажа, заметила, как на полу, за батареей, шевельнулось что-то маленькое и белое. Опять? Да что же это такое? Оставалось надеяться, что у меня не началась паранойя.

Чтобы проверить это, я присела на корточки и в тусклом освещении подъезда увидела тощего белого котёнка. Он смотрел на меня чёрными от расширившихся зрачков глазами скорее с любопытством, чем со страхом.

— Это ты сегодня весь день преследуешь меня? — спросила я у него.

Зверёныш фыркнул, и мне стало смешно от моего глупого предположения. Обычный кот, который, несмотря на худобу, выглядел вполне домашним: шерсть белая и пушистая, глаза чистые, ясные, без каких-либо признаков болезни. Наверняка потерялся, и, возможно, кто-то его сейчас ищет.

— Ты бездомный или сбежал?

Ответа ожидаемо не последовало, но я продолжила допрос:

— Почему сидишь тут один?

Котёнок смотрел на меня из своего укрытия не отрываясь. Сама не знаю, какое мне было до него дело. Я никогда не была особенно сентиментальной, но сейчас мне почему-то хотелось взять его с собой.

Он не выглядел напуганным. В подъезде для него было относительно безопасно. Опять же, если его ищут, то здесь найдут быстрее. Но мне хотелось, чтобы этой ночью рядом был кто-то живой, пусть даже кот.

Я решила, что он наверняка голодный, раз такой худой, и предложила:

— Пойдём ко мне?

На этот раз кот отреагировал. Он медленно выполз из-под батареи и стал спускаться по ступенькам, задрал хвост.

— У меня есть молоко и сосиска, — предприняла я ещё одну попытку.

Котёнок замер и обернулся. Посмотрел на меня так, будто обдумывал предложение.

— Уж лучше, чем в подъезде сидеть, — добавила я. — А утром попробуем найти твою семью.

Этот аргумент оказался решающим.

— Да? — обрадовалась я, когда он последовал за мной.

Вместе мы преодолели последний пролёт. Я открыла дверь и пропустила гостя в квартиру.

— Добро пожаловать, располагайся.

Из небольшого коридора легко просматривалась вся моя студия. Единственная комната служила мне и спальней, и кухней, и рабочим кабинетом.

Котёнок осторожно зашёл, сел на пол и уставился на меня, словно ожидал обещанное. Его присутствие немного успокаивало. Мне надо было кого-то накормить, и это делало мою жизнь не такой уж и бессмысленной. Да и на завтра уже было какое-никакое, но дело.

— Сейчас, подожди.

Я стянула кроссовки, прошла на кухню и открыла холодильник. Сосиски оказались немного заветренные, но вряд ли кота это волновало. Поискала, во что бы положить еду, но так и не найдя ничего подходящего, дала ему свою тарелку. Котёнок сразу впился крошечными зубами в сосиску.

— Ты так до утра будешь есть, — усмехнулась я. — И раз уж я пригласила тебя к себе на ночь, давай познакомимся. Я — Юля, а ты...

Я задумалась. Какие имена обычно бывают у котов? Шарик? Нет, это для собак. Пушок? Это как-то совсем глупо. Почему-то вспомнилось, что в фильмах неопознанных пациентов называют Джон Доу.

— Будешь Джонни. Пойдёт?

Котёнок оторвался от своего занятия, посмотрел на меня и дёрнул мордой. Это вполне можно было принять за кивок.

— Ну и отлично.

Я достала вторую тарелку, поставила рядом и плеснула туда молока из картонной коробки. Немного понаблюдала, как котёнок расправляется с сосиской, а потом оставила его в покое.

У меня никак не получалось выбросить из головы Симбу. Было страшно и одновременно очень любопытно узнать, что с ним сейчас. Неужели его постигла та же участь, что и всех нас? Я надеялась, что, быть может, хотя бы у него получилось найти своё счастье.

Помучившись пару минут в сомнениях, я всё же открыла ноутбук. Бледный свет озарил рабочий стол. Я зашла на сайт соцсети и нажала на поисковую строку. Пальцы зависли над клавиатурой. Может, всё-таки не стоит?

Любопытство снова пересилило, и я набрала: «Александр Симаков». Первый же результат выдал шесть общих друзей. Я кликнула на аватарку и сразу поняла, что это он.

Он был на двадцать лет старше и в солнечных очках, но это точно был Сашка Симба, его улыбку я узнала бы из тысячи. Судя по пальмам и безоблачному голубому небу, снимок был сделан в отпуске.

Я откинулась на спинку стула, разглядывая красивого взрослого мужчину, в которого превратился мальчишка, укравший моё сердце в пятнадцать лет. Он был очень похож на себя прежнего — то же спокойное дружелюбие, та же уверенность в себе, даже любовь к ярким футболкам с принтами никуда не делась. Не хватало только дерзкой причёски с высветленными волосами.

Я прикусила нижнюю губу, сдерживая улыбку. В животе заныло, как и в тот самый день, когда я впервые увидела Симбу с друзьями на рампе.

Налюбовавшись, я перелистнула фото, и тут же у меня вырвалось:

— Да ладно?!

Симба в форменном костюме позировал в кабине самолёта. Под снимком была подпись: «Коллеги, всех с Днём гражданской авиации». Ничего себе! Он стал пилотом. Кто бы мог подумать? Наверное, для этого он и уехал тогда в Москву.

На следующие фотографии оказалось сложно смотреть без зависти, поэтому я пролистала их, не задерживаясь слишком долго. Конечно, Симба оказался женат, и у него были две дочери младшего школьного возраста. Вчетвером они были похожи на образцовую семью: на фото были походы с палатками, какие-то концерты, велосипеды, ролики и даже рыбалка. В носу защипало так, что пришлось проморгаться.

Я оторвалась от экрана и осмотрела свою квартиру. На спинке дивана валялась гора одежды, которую мне не хватало сил даже разобрать и аккуратно повесить в шкаф. На кухонном столе три пустые коробки от пиццы — готовить для себя одной мне всегда казалось глупым. На полу у раковины какие-то крошки. Даже не помню, когда я пылесосила в последний раз.

Но сегодня я хотя бы была не одна. Вот так и становятся чокнутыми кошатницами, первый шаг уже сделан.

Джонни дожёвывал сосиску, но заметил, что я на него смотрю, и замер.

— Наелся? — спросила я.

Котёнок облизнулся и направился в мою сторону. Он ловко запрыгнул на диван, а потом и на рабочий стол.

— Смотри, это Симба, моя первая любовь, — я указала на экран.

Джонни подошёл ближе и заинтересованно заглянул через мою руку.

— Мы с ним встречались, когда мне было пятнадцать, — продолжила рассказывать я, заполучив молчаливого слушателя. — Классный, да? Жалко, что в таком возрасте серьёзных отношений не бывает. Мы были детьми, хотели веселиться, влюбляться, попробовать что-то новое. Вот если бы мы с ним познакомились позже, когда нам было бы уже...

Договорить я не смогла, застряв на одной фотографии. Симба с женой стояли на скейтбордах и держались за руки, внизу была подпись: «После стольких лет? Всегда». Вот тогда-то я её и узнала. Люся Никитина. Люся, мать её, Никитина!

По всему телу у меня разлился жар, казалось, ещё чуть-чуть, и я взорвусь. Люся?! Серьёзно? Я закрыла глаза, меня всю трясло. Эта курица вечно вешалась Симбе на шею, даже когда мы с ним встречались. И теперь... Теперь она там, в этой прекрасной жизни! А я? Это я должна была быть на её месте. Какая дура! Я же сама бросила Симбу. Господи, какая же я идиотка. Если бы я тогда...

Что-то коснулось моей руки. Я вздрогнула и открыла глаза. Джонни положил на меня лапу и заглядывал в лицо. Оказывается, по щекам у меня уже текли слёзы. Я вытерла их тыльной стороной ладони и прижала котёнка к себе.

— Джонни, ты не представляешь, какая я дура. Знаешь, чего бы мне хотелось сейчас больше всего?

Котёнок зашипел, вырвался, оцарапав мне руку когтями, и спрыгнул на стол. Он выгнул спину и попятился назад, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Задняя лапа соскользнула с края столешницы. Я не дала ему упасть, подхватила и снова прижала к себе.

— Больше всего мне бы хотелось снова оказаться в том лете две тысячи пятого, чтобы всё исправить, — произнесла я.

— Блин, — раздался откуда-то детский голос. — Вот я облажался.

Я подскочила со стула, и тот откатился в сторону. Застыв и прижимая Джонни к груди, я пыталась понять, что происходит.

Остатки разума я пока вроде не растеряла, так что сразу отмела версию малолетнего маньяка-убийцы, проникшего в квартиру. Глянула на ноутбук — может, нажала что-то случайно — но на экране всё ещё улыбались счастливые Симба и Люся. «Умная колонка», — догадалась я. Она уже пару раз отвечала что-то ни с того ни с сего. Вот и сейчас услышала, как я разговариваю с котом, и отреагировала. Только непонятно было, почему таким странным голосом.

— Повёлся на сосиску, теперь проблем не оберёшься, — ворчание донеслось откуда-то снизу.

Я опустила взгляд.

— Да отпусти ты меня уже, — сказал котёнок.

Я резко разжала руки. Он прыгнул вниз, приземлившись на лапы, а потом сел и недовольно уставился на меня. Я внимательно следила за котом, не решаясь шелохнуться, и ждала, вдруг он выкинет ещё что-нибудь, но тот молчал.

— Что здесь происходит? — спросила я и тут же ответила на свой вопрос: — Похоже, у меня галлюцинации.

Это было очевидно. Я не сильно испугалась, потому что в университете проходила курс введения в психиатрию и знала, что галлюцинации вообще-то дело вполне обычное. Иногда они возникают у совершенно здоровых людей, и причин для этого может быть масса.

— Депривация сна, недостаток питания, обезвоживание, стресс, усталость и алкоголь, — перечислила я вслух всё, что подходило под мою ситуацию.

За последние трое суток я спала от силы часа два, ела... Кажется, вообще ничего, кроме пары оливок сегодня в ресторане. Да ещё и шампанское. Ничего удивительного, в таком состоянии может привидеться всё, что угодно. Хорошо ещё, что у меня тут всего лишь говорящий кот, а не стадо розовых единорогов.

— Ну ничего, — попыталась я успокоить сама себя. — Это всё легко решается. Для начала надо выпить чашечку сладкого чая, желательно перекусить и выспаться. Да. А утром, если не пройдёт, пойду к психиатру за таблетками.

Я порадовалась, что критическое мышление никуда не пропало, а значит, крыша у меня пока на месте, и сон действительно может помочь.

— Закончила? — спросил кот.

Я замешкалась, не зная, надо ли ему отвечать. Не лучше ли просто игнорировать? При этом оставалось непонятным, мерещилось ли мне, что кот говорит, или никакого кота вообще не было.

Так ничего и не решив, я взяла чайник с кухонной столешницы и пошла наливать воду. Тонкая струйка из маленького крана с фильтром текла слишком медленно, зато этот звук меня успокаивал.

— Можешь сколько угодно делать вид, что меня тут нет, но нам всё равно надо разобраться с твоим желанием, — раздался тот же детский голос у меня за спиной.

— С каким желанием? — удивилась я. Слишком сложно было притворяться, будто я ничего не слышу.

У меня промелькнула надежда, что это всё могло быть обычным сном. Возможно, я вернулась домой, накормила бездомное животное, а потом вырубилась. И теперь мне снился слишком реалистичный сон о том, как я с ним разговариваю.

— Ты хотела вернуться в то лето, — напомнил кот.

— Ах да, — я уж и забыла, чем занималась перед тем, как начались мои глюки.

Я выключила воду, захлопнула крышку чайника и так и зависла над раковиной. Я и правда хотела бы вернуться в то время, когда Симба был моим парнем, а не счастливым отцом двух девочек и мужем этой курицы Люси.

— Было бы круто, — я развернулась и посмотрела на котёнка.

И тут же почувствовала себя глупо — говорю с собственной галлюцинацией. Джонни тем временем забрался на стол и внимательно наблюдал за мной оттуда.

С другой стороны, если этот котёнок — плод моего подсознания, может, оно пытается что-то донести до меня? Может, я что-то подавляю? И если я выслушаю его, то смогу понять, что со мной творится. Ну или, по крайней мере, порадуя психиатра хорошей историей.

— Что ты хочешь? — спросила я.

— Я хотел есть, — фыркнул котёнок. — А теперь я должен выполнить то, что ты пожела-
ла, потому что плату уже принял.

«Надо же, какие у меня глюки с логическими связями», — удивилась я про себя, поставила чайник на подставку, нажала на кнопку и снова развернулась к собеседнику.

— Ладно, допустим. И ты... какой-то волшебный кот? — спросила я и усмехнулась.

— Я не кот, — возмутился он. — Могу стать кем захочу.

— Ну-ну. Можешь стать кем захочешь, а выбрал кота. Класс.

— Это хорошая шкура, — он встал на лапы и покрутился. — Не привлекает внимания в городе.

— Подожди, получается, всё-таки это тебя я видела около ресторана? И у Каткиного дома тоже?

— Ну и что? — зверёныш недовольно задрал морду.

Действительно, что? Это только подтверждало теорию, что котёнок был моим глюком. Глюки не сидят дома и не ждут, когда я вернусь с гулянки.

— Я бы лучше стала птицей, — заявила я. — Их тоже в городе полно, а перемещаться так гораздо удобнее.

— Для меня это не вариант, — расстроился мой собеседник. — Смотри.

В следующий миг вместо котёнка на столе сидел белый птенец. Он расставил в стороны крылья, демонстрируя пух вместо настоящих перьев.

— Да уж, на таких никуда не улетишь, — согласилась я.

— Вот именно, — буркнул птенец.

— То есть ты можешь превращаться в кого угодно, но всегда остаёшься мелким?

— Ага, — подтвердил он.

Я пока совершенно не понимала, что всё это значит. Помощь дедушки Фрейда мне бы сейчас очень пригодилась.

— Цвет тоже не меняется?

— Не-а.

— Интересно, — протянула я. — А имя-то у тебя есть?

— Есть, — птенец нахохлился, в его голосе слышалась гордость. — Джонни.

— Это же я только что тебя так назвала!

— Да. И теперь у меня есть имя.

— А до этого?

— До этого не было, — птенец сник.

Это снова подтверждало, что существо, сидящее напротив меня, — плод моего воображения. Кому, как не мне, давать ему имя?

— Слушай, а ты не мог бы стать человеком? Я так буду чувствовать себя не такой чокнутой.

— Пф, человеческая шкура, — проворчал он недовольно. — Ну ладно.

Спустя миг у меня на столе сидел, свесив ножки, тощий мальчишка лет десяти. Он был совершенно белобрысый, с бледной кожей и светло-светло серыми глазами. Я никогда не видела альбиносов вживую, но, наверное, примерно так они и должны были выглядеть. Одежда на Джонни была не белая: обыкновенная футболка цвета хаки и такие же шорты до колен со множеством карманов.

— Может, лучше будешь девочкой? — попросила я. — А то я мальчиков не особо люблю.

— Нет, — отрезал он.

— Ладно, без разницы, — махнула я рукой. Спорить с собственными галлюцинациями не хотелось. — И что же мы будем делать с тобой, Джонни?

— Желание, — напомнил он. — Кстати, почему ты хочешь вернуться в то время?

От ответа меня спас чайник, щёлкнувший кнопкой в знак того, что вода закипела. Я полезла в шкафчик и задумалась, надо ли достать кружку и Джонни тоже.

— Я не буду, уже попил, — сказал он, правильно истолковав моё замешательство. — Так что, это из-за того парня?

— Угу.

Рассказывать и готовить чай одновременно было проще, так я могла не смотреть Джонни в лицо.

— Я сделала тогда неправильный выбор, — призналась я и живо представила себя на тех снимках с двумя улыбочивыми девчонками и лучшим парнем, который у меня когда-либо был. — Если бы я осталась с Симбой... Сейчас всё было бы иначе. Я тоже хочу всё, что есть там, — я махнула на экран ноутбука, где до сих пор были открыты фотографии.

Когда я обернулась, мальчишка слушал, склонив голову набок.

— Ты будешь счастлива, если снова вернёшься туда? — спросил он как-то уж слишком серьёзно.

Сердце забило быстрее, в носу опять защипало. Мне отчаянно хотелось верить, что это и правда возможно, что я действительно могу получить второй шанс.

— Думаю, да, — произнесла я.

— Тогда не будем медлить, — оживился Джонни.

Но я медлила. Я и в детстве-то не любила сказки, потому что там было всё не взаправду, а уж теперь...

— Послушай, — выдохнул мальчишка и прыгнул на пол, — я не знаю, как мне убедить тебя, что это по-настоящему. Но разве ты не пожалеешь, если не попробуешь?

— Ладно, — поддалась я. — Что нужно делать? Как-то сформулировать правильно? Сказать «я желаю»?

— Нет, — покачал головой он. — Это ты уже сделала. Осталось только одно.

— Что?

— Тебе нужно выбрать конкретный момент, в котором ты хочешь оказаться, а потом сосредоточиться и очень чётко его представить. Если сможешь, окажешься там.

— А если не смогу? — уточнила я и отхлебнула чай.

— Тогда ничего не получится, — пожал плечами Джонни. — Так что ты уж постарайся.

— Любой момент?

— Любой из того лета, — подтвердил он.

Я кивнула, отставила чашку в сторону и задумалась. Выбрать что-то конкретное оказалось не так просто, всё-таки прошло уже двадцать лет, и воспоминания поблекли. И всё же в памяти всплыл один эпизод.

Дождь тогда зарядил с самого утра. Казалось, он будет лить бесконечно, и я весь день страдала, что не могу пойти гулять со своим парнем. Тучи рассеялись только вечером. Мне сразу позвонил Симба и сказал, что будет ждать меня в парке.

Я уже почти успела выскочить из квартиры, но тут с работы вернулась мама и заставила меня готовить ужин, о котором я совершенно забыла. В итоге я опоздала на сорок минут и уже не надеялась встретить Симбу, но, когда пришла в парк, он сидел на скамейке и ждал меня.

Это было чудесное воспоминание. Я улыбнулась, потому что на миг снова почувствовала себя в том дне — это должно сработать.

— Придумала? — спросил Джонни.

— Да, — кивнула я, но вдруг забеспокоилась. — Подожди, я же буду всё помнить, когда окажусь там?

— Конечно. Иначе во втором шансе не было бы никакого смысла.

— Верно, — согласилась я. — Тогда давай.

— Закрывай глаза и постарайся как можно подробнее представить себе тот момент: время, место. Чем больше деталей, тем лучше. Ни о чём другом не думай, сконцентрируйся, — наставлял Джонни.

— Ладно, я поняла, — перебила я, встряхнула руками и постаралась расслабиться. — Всё, не мешай. Мне надо сосредоточиться.

Глава 3

Я закрыла глаза и представила тот самый день. Симба ждёт меня на скамейке в своей классной полосатой толстовке с длинными рукавами, на его губах тёплая безмятежная улыбка... Я так ярко увидела этот момент, что мне даже почудился лёгкий порыв ветра и запах асфальта, мокрого после дождя.

А потом кто-то дотронулся до моего плеча.

— Я так сильно опоздала, что ты уснул?

Открыв глаза, я увидела, что сижу на скамейке посреди парка, а рядом девчонка — точная моя копия, но только моложе. Она смотрела на меня с интересом, дожидаясь ответа. Её длинные распущенные волосы были перекинuty на одну сторону так, как раньше любила носить я. Гладкая кожа блестела без всякой косметики, подведённые чёрным карандашом глаза казались больше, и в них совершенно не было той опустошённости, которую я давно привыкла видеть в зеркале.

— Джонни, кажется, что-то пошло не так, — сказала я чужим голосом и тут же замолкла от неожиданности.

— Это из какого-то фильма? — моя молодая версия наклонила голову набок и нахмурилась. — Я не смотрела. Привет.

Она улыбнулась и потянулась ко мне, явно собираясь поцеловать.

— Нет! — я шарахнулась в сторону, выставив вперёд руку, и сразу заметила полосатый рукав толстовки. В зеркало можно было не смотреться, это определённо был Симба.

Всё вокруг походило на какой-то бред. Одно дело — говорящий кот, и совсем другое — это: ночь сменилась вечером, я была на улице, а не у себя дома, да ещё и сидела напротив самой себя из прошлого.

Юля номер два тоже удивлённо хлопала глазами.

— Что с тобой? — спросила она.

— У меня простуда на губах, заражу, — попыталась оправдаться я.

— Где? Я ничего не вижу.

— Э-э-э... Только началось, пока не заметно.

— Блин, — расстроилась моя молодая версия. — Если целоваться не будем, я тогда хотя бы накрасюсь.

— Ага, конечно, — я попыталась изобразить дружелюбную улыбку, несмотря на бурю эмоций, бушевавшую у меня внутри.

Пятнадцатилетняя Юля достала из сумки круглое зеркальце, розовый блеск для губ и стала раскручивать тюбик. Как только я его увидела, сразу вспомнила сладкий малиновый запах.

Я воспользовалась заминкой и оглянулась по сторонам, надеясь сориентироваться.

В этом парке я не была уже давно, но пару недель назад видела фотографии в группе города. Администрация отчитывалась о многомиллионном благоустройстве, а местные жители жаловались, что чиновники вырубili взрослые клёны, посадив вместо них крохотные веточки. Сейчас же все клёны были на месте.

Зато нигде не было видно Джонни, а он был единственным, кто мог бы что-то объяснить. Я постаралась незаметно заглянуть под скамейку.

— А ты сам-то где простуду подцепил?

— А? — дёрнулась я.

— И чего так озираешься вокруг?

Юля говорила это всё, не отрывая взгляда от зеркальца. Я сразу почувствовала себя застуканной на месте преступления.

— Да я тут это...

Правдоподобного объяснения у меня не нашлось. Мысли были заняты совершенно другим. Единственное, чего я хотела, — это выяснить, какого чёрта здесь происходит, а не пытаться играть чужую роль.

— Понятно, — бросила Юля, щёлкнув зеркальцем, и встала со скамейки. — Вот с ней и гуляй.

Она рывком закинула сумочку на плечо и пошла прочь, оставив меня наблюдать с открытым ртом, как она гордо удаляется.

В глаза бросились джинсы с такой низкой посадкой, что руки так и чесались их подтянуть. Боже, неужели я правда такое носила? И что это вообще было? С кем она оставила меня гулять?

Я встряхнула головой, прогоняя эти мысли. То, что Юля номер два обиделась, никакого значения сейчас не имело, наоборот, повезло, что получилось так быстро от неё избавиться.

Опустив взгляд, я осмотрела себя, а потом вытянула вперёд руки в полосатых рукавах и pokrutila перед глазами. Одежда, тело — всё это было не моё. Но как?

Я поднялась, мельком отметив, что стала выше ростом, и ещё раз огляделась вокруг — кроме меня в парке никого не было.

— Джонни? — позвала я шёпотом, не представляя, что делать дальше, если он пропал.

— Чего? — раздался голос неизвестно откуда.

— Да где ты, блин?!

— На скамейке.

Пришлось внимательно приглядеться, чтобы заметить на белой потёртой краске маленького белого жука.

— Ну уж нет, — возмутилась я. — Я так не могу! Только с насекомыми мне ещё болтать не хватало.

— Далась тебе эта человеческая шкура, — фыркнул мальчишка, в следующий миг появившийся на скамейке.

— Какого хрена здесь происходит? — набросилась я на него.

— А что? Ты хотела вернуться, и ты здесь, — пожал плечами Джонни. — Желание исполнено.

— Да, но почему я в чужом теле? Так и знала, что ты обманешь.

На самом деле ничего я не знала, даже не подумала об этом, но теперь недоумевала, как могла поверить ему. Зря что ли фильмы и книги предупреждают, что желания всегда исполняются каким-то извращённым способом?

— Ничего я не обманывал, — насупился парень. — Я тебе сказал, важно хорошенько подумать о том, куда ты хочешь попасть.

— Я так и сделала!

— И о чём ты думала?

— Об этом дне, о Сим... — до меня начало доходить, что я действительно думала только о нём. — О чёрт.

— Угу, — подтвердил Джонни.

Он выглядел довольным, словно был во всём прав, и это раздражало меня ещё больше.

— Ну и кто так объясняет? — возмутилась я. — Ты должен был предупредить, что надо думать о себе, а не о другом человеке.

— Разве это не очевидно?

— Ты что, первый раз желание исполняешь?

— При чём тут это?

Джонни скрестил руки на груди, отвёл глаза в сторону и нахмурился. Я поняла, что угадала. А ещё мне вдруг стало совершенно ясно, что он не собирался специально меня обманывать.

— Видимо, это для таких, как ты, в инструкции к шампуню пишут: «Не употреблять в пищу», — проворчал Джонни.

Я не стала отвечать на его выпад, а попыталась вернуться к конструктивному разговору:

— Короче, надо это исправить.

— Ты уже потратила своё желание.

— Я уже ничего не хочу, просто верни меня домой.

— Не могу.

— Как? — опешила я.

— Никак, — развёл руками мальчишка. — Никак не могу. Ты загадала желание, я его исполнил. Дело закрыто.

— И что дальше?

— Теперь ты здесь. Считаю, у тебя есть вторая попытка, воспользуйся ей.

— Чего? — не поверила я своим ушам. — Я не собираюсь проживать за Симбу его жизнь. Ты это сделал, ты должен всё исправить.

— Я-то при чём? Ты сама так загадала. Тем более ты же хотела оказаться в его жизни и оказалась. Какая разница?

— Какая разница? — то, что он ничего не понимает, выводило меня из себя. — Ты вот хотел сосиску. А представь, что вместо того, чтобы её получить, ты сам стал сосиской. То же самое, да?

— Ладно, разница есть, — признал Джонни. — Но я всё равно не могу откатить всё назад.

Наш спор ни к чему не вёл, да и голова совершенно отказывалась работать. Последние три дня я не могла ни есть, ни спать, а уж после всей этой фантастической дичи вообще ничего не понимала.

Я села на скамейку и снова осмотрела свои, но чужие ладони. Они выглядели настолько реально, что можно было различить каждую линию сгиба, вены и капилляры. Был даже бежевый пластырь на одном из пальцев. Я подцепила край, потянула и почувствовала, как он отрывается.

Холодная дождевая капля упала с дерева мне на шею и потекла за ворот. Побежали мурашки. Я потянулась протереть влажную кожу и поняла, что плечо больше не болит.

Не то чтобы оно меня сильно беспокоило, но из-за старой травмы мне всегда было неприятно поднимать левую руку. Я настолько привыкла к этому, что почти не замечала, но теперь плечо двигалось легко и безболезненно.

Было сложно признать, но в этом теле я чувствовала себя лучше. Наверное, из-за того, что оно было молодо и не отравлено алкоголем. Я чувствовала себя лучше физически, но не ментально, потому что сознание оставалось моё, Юлино. И оно совершенно не выводило.

Для галлюцинаций это было слишком — так много деталей, ощущений, запахов. Но если происходящее не было галлюцинацией, тогда получалось, что я действительно попала в прошлое и застряла в теле своего бывшего парня.

Это был полный провал. Что, если мне на самом деле придётся проживать чужую жизнь? Мне совершенно не хотелось становиться мальчиком-подростком.

— Нет, этого не может быть, — заявила я вслух. — Я не верю. Мне просто надо поспать. А когда я проснусь, всё снова станет как раньше.

— Я бы на это особо не рассчитывал, — Джонни сделал сочувственное лицо, — но поспать тебе и правда не помешает.

Я встала и направилась в сторону выхода из парка.

— Ты куда?

— Домой, куда же ещё? — я прошла три шага и обернулась. — Ты идёшь?

Джонни нехотя поднялся со скамейки и поплёлся за мной. По дороге я старалась не думать о перемещениях во времени, о чужих телах, о том, как я оказалась в парке, и прочей

мистической ерунде. Вместо этого я сосредоточилась на единственной задаче — добраться до своего дома и лечь спать.

Вот только когда мы пришли на место, меня ждал сюрприз. Никакого дома не было. Был пустырь, заросший по пояс травой и сорняками. Там, где должен был быть мой подъезд, лежала куча мусора, из которой торчали прогнившие обломки досок.

На краю пустыря сиротливо стояла покосившаяся хлопалка для ковров. Я присела на неё и уставилась в пространство. Мой яркий оранжево-салатовый дом построили десять лет назад, а значит, в две тысячи пятом его и не должно было быть. Это окончательно выбило меня из колеи.

— Теперь ты веришь? — спросил Джонни. Он тоже забрался на хлопалку и сел рядом, поджав ноги.

— Мне часто снятся такие сны, — сказала я то ли Джонни, то ли самой себе, — когда я куда-то иду и никак не могу прийти. То заблужусь, то сяду не на тот автобус, то хожу кругами. Как Алиса в стране... Нет, в зазеркалье, кажется. Может, это один из таких снов?

— Слушай, если ты не хочешь ночевать сегодня на улице, то тебе придётся пойти домой к этому парню.

Я снова посмотрела на пустырь — моей квартиры не существовало. Идти туда, где раньше жили мы с мамой, было бесполезно, там была та, другая Юлия. Мысль о моей второй версии пугала почему-то больше всего. Может, стоило объяснить ей, что я — это она из будущего?

Идея не выдерживала критики. Я бы ни за что в жизни не поверила в такую чушь, решила бы, что Симба меня разыгрывает. Разговаривать с Катькой тоже не имело смысла.

— Так. Давай разберёмся во всём спокойно, — попыталась я взять себя в руки. — Я загадала желание и оказалась здесь.

— Угу, — подтвердил Джонни.

— Но из-за того, что я думала про Симбу, я оказалась в его теле.

— Точно.

— Очевидно, что это ошибка и надо как-то её исправлять.

— Ну-у-у, — неуверенно протянул Джонни. — Может, и не ошибка.

— Почему ты не можешь исполнить ещё одно моё желание? — спросила я.

— Для этого нужен бескорыстный подарок.

— Ну давай я тебе что-нибудь подарю, — предложила я. — Чего ты хочешь?

— Ты не знаешь, что такое бескорыстный? — строго посмотрел на меня Джонни.

— А если я правда захочу тебе что-нибудь подарить? Просто так.

— Не получится, — помотал он головой. — Всё равно будешь думать о желании.

— И что же теперь делать? Дарить подарки всем котам и букашкам и надеяться, что они окажутся такими, как ты?

— Ты всё ещё ничего не поняла, да?

Казалось, всё упирается в тупик.

— Юль, — подал голос Джонни, — может, всё-таки пойдём к Симбе?

Это не было решением всех моих проблем, но всё же выглядело самым разумным, что можно было сделать прямо сейчас.

Я покопалась в карманах штанов и вытащила оттуда связку ключей с брелоком в виде маленького скейта. Раз были ключи, значит, была и квартира, а там кровать, где можно поспать. Оставалась небольшая надежда, что утром всё вернётся на свои места.

— Хорошо, пойдём к нему. Только с этим будет тоже всё не так просто, — призналась я Джонни.

— Почему? — спросил он.

— Я смутно помню, где Симба живёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.